

ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ БАЛЛАДА

1

Ты верни меня, память, назад
в город-зной, в город-сон, в город-сад.

Алыча там цветёт круглый год,
птица-рыба на пальме живёт

и меж сопок земли и небес
катит волны Дарунтская ГЭС.

2

А ещё поутру там мулла
говорит всему миру: «Алла!..»

— Аладдин! — это эхо в горах
на зелёных гарцует лугах:

вот он!.. Вот он, джигитам пример —
воин Господа, франт, офицер.

3

Там за речкой, спадёт только зной,
он ведёт караван с наркотой,

ну а здесь он для всех — шурави,
вместе с нами поёт «Журавли».

И летят журавли, вот летят! —
как вертушки, на алый закат.

4

Мы летим и поём в темноте
на незримой для мин высоте.

Сердце бьётся с волнением в груди:
да неужто война позади

и всем в дембель?! Неужто домой
я вернусь неприлично живой?

5

И награды, что надо, — горят!
Краше — в гроб, иль в Москву на парад.

Всхлипнет мама и чуть ли не в рёв:
«Ведь писал же, что цел и здоров».

Я ей слезы тихонько утру:
Мама-мама... Не стой на ветру.

Ну, конечно, я жив и здоров,
как сто сорок армейских козлов.

Каждый Рэмбо в стрельбе превзойдёт,
а Джеймс-Бонду и морду набьёт.

Не согласна дыра в рукаве?
А плевать — заросла ж в голове.

— Так-так-так... Говоришь, не болит?
— Где болит, пусть майора свербит!

— Ну, тому-то по всё — трын-трава,
замполит у него голова.

Голова ты моя, голова,
куда ж делась твоя голова?

Покатилась отважная с плеч
упрежь всех в поминальную речь,

по дороге сыграла в футбол:
прыг-прыг-прыг и скорее на кол

взгромоздилась: «Ура! Исполать!..
Что такое? Ни зги не видать».

Свет включили. В ногах — гул винтов
и бетонка в коросте бинтов

поперёк горизонта ума,
слева — дурка, а справа — тюрьма,

а в конце — то ли взрыв, то ли сад...
Что уставился в точку, солдат?

Вот жена, рядом с нею малец —
незаживший на сердце рубец.

И ждала, и любовь берегла,
а потом вдруг... к другому ушла.

Впрочем, нам ли о том поминать
и пустые бутылки считать?

От Кремля до Китайской стены
свет без света, вина без вины

и кровавый в полнеба закат,
и никто не вернётся назад,

если даже вернётся домой, —
только тлеющий мир за спиной.

Только тлеющий мир в темноте
на какой-то мгновенной версте.

Кто в порталах и дырах времён
вспомнит шум наших древних знамён,

свет без света, страну без страны?..
Плач давно отзвеневшей струны.

Плачь, родная! И сбудутся вновь
и страна, и война, и любовь.

Трассерами расшит небосвод,
птица-рыба о счастье поёт...

Здесь у царских, тяжёлых ворот
положили душманы мой взвод.

Мы лежим, как один, в темноте
на последнего мира версте.

Алыча здесь цвела круглый год,
а теперь и репей не растёт.

Аладдин, ты же — друг, ты мне брат,
почему нашей встрече не рад?

15

Я вернулся — броня на броне,
раскалённый калаш на ремне,

крокодилы дырявят закат,
осы-стингеры навстречь скользят.

Зазевался — усни в темноте
на незримой для всех высоте.

16

На незримой для всех высоте
мы летим, словно миф, в пустоте,

окликаем друг друга в бою:
может, свидимся как-то в раю?

Там и нам — всем погибшим подряд! —
светит солнце — наш Джел...

Алла!..

Алла!..

Алла!..

Светит солнце — наш ДжелАллабад!

Май 1988, 1991

А у моей крали
тонкая талия
и голубые глаза.
Солнце в прятки играет
в каштановых волосах.

Запах магнолий и кофе
разносится за версту,
смуглая в сумерках кожа
сияет, как на свету.

Ветка ли стукнет в ставень —
вспыхнет в траве роса.
Иль это лунный гравий
рассыпали небеса?

Тянется в сад бескрайний
стёжка из хрупких слёз...
А моей крале лайнер
снится на волнах грёз.

А лайнеру — шумный берег,
в тенистых каштанах дом
с полуоткрытой дверью,
высоким резным окном,
звон воробьиной стаи...

Много ещё чудес
свой продолжают танец —
поле и луг, и лес.

Свой продолжают танец
баржи речной гудки...
И, осыпаясь, тают
розовые лепестки.

Тает звон мандолины,
лайнер в море и пляж,
куст молодой малины
и на лугу шалаш —

тают сны. Между нами
на цыпочках ходят сны...
А у моей крали крылья
круче морской волны.

Жарче струн мандолины
чуткое тело её.
А над кустом малины
дождик всё льёт и льёт:

*Ах, над кустом малины
губы слаще малины!*

Кто-то в любви сгорает,
кто-то себя бежит,
кого-то уносит лайнер,
а кто-то вообще не спит.

Однажды, когда со снами
и я прощался в слезах,
облюбовала мой палец...

Не улетай, стрекоза!

СЕНТЯБРЬСКИЙ СОНЕТ ЛЕОНИДУ ГУБАНОВУ

А ветер гонит листья со двора
и плач гусей над опустевшей рощей.
Пора, мой друг, и нам уже пора, —
звонят, звонят всю колокола, —
взглянуть на мир отчаянней и проще.
И пусть дурдом. Пусть напрямиком

на площадь
под громы неумолчного ура.
Пусть звуки набирать, как номера
оглохшего, немого телефона...
Ты, как в пластинке песня, — арестован.
А кем? За что?.. Кому ты адресован
на выдохе последнего прогона —
как беспощадно-неуместный довод
тобою же разбуженного звона?

ЖУРАВЛИ

Пустое утро пасмурного дня,
а на дворе ледком уже запахло,
и над равниной низенькой и чахлой
вожак свою колонию поднял.
И — с мягкой кочки прыгнув в небеса,
и — молодняк на случай примечая,
он полетел, поплыл, крылом качая,
и дрогнули у стаи голоса:

«Курлы-курлы...»

А мы бежим, скорей за ней бежим —
нам, босотве ленд-лиза, непонятно,
зачем вожак поворотил обратно,
идёт на нас вдоль высохшей межи.
Идёт на нас. И плачет. Боже мой!
Мы удивлённо пятимся к забору,
а караван кольцом взмывает в гору.
«Курлы-курлы» несётся над землёй.

Сквозь заполошно-рваное

«динь-дон»...

— Динь-дон,

динь-дон...

В каком-то гибельно-червонном
озаренье.

Через войну —
и через мой детдом,
парящий над вселенским разореньем.
От ранних звёзд рабфаковской
Москвы.

До рудников и вышек лагспецстроя.
Давно ль они позаросли травой?!
А всё туманней их рубцы и швы,
всё дальше,
выше чёрные следы...

Ах, пахари воздушной борозды!
Ах, журавли! Чего без вас я стою?
Я — человек, покуда в небе вы.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Грянет ли гром за холодным окном,
молния в сон ли ворвётся, пугая,
иль зашатает могучий перрон —
эй, братаны! до гудка ли? до края
полки плацкартной?..

А может, земли?..

— Пропасть как пропасть.

Слабó перепрыгнуть?

Плачут гармони во весь свой зенит,
мéхи до Кушки экватором выгнув.
А там пересылка...
Да там первый бой
голосом страшным орёт понарошку!
Ляжем-поднимемся — нам не впервой
играть в неваляшку и даже в матрёшку.
— Мама!..

— Ты что?

«А тут всё, как в кино:
кормят отлично и прапор, что надо»...
Штемпель почтовый, а сам-то сынок —
«Что ж ты, сыночек, отстал от отряда?»

Грянет ли гром... А чевой-т он шумит
рано пред зорями, спать нам мешая?

— Почта торопится. Почта спешит
от края до края... До самого края.

1983

ПРОЩАНИЕ В СЕНТЯБРЕ

Лил дождь ливмя, шатался во дворе,
то затихал, то снова бился оземь...
Они прощались в раннем сентябре,
и в сентябре прощались они позднем.

— Ну ладно, — говорил он, — я пошёл,
и, замыкаясь в тягостном молчанье,
глядел в окно на долгий частокол
дождя и безысходного прощанья.

О чём он думал?.. И о чём она?
Каких надежд несбывшихся руины
оплакивала тоже, у окна
лицом уткнувшись в толстые гардины?

А за окном всё тот же ливень лил
и женщина по улице бежала...
Он душу, словно дверь, ей отворил,
и девочка вбежала и сказала:

— Любимый, помнишь?..

Здравствуй, светлый мой! —
очнулись скрипки юности далёкой:
«Любимый, вспомни!» —
и с такой тоской
заплакали у самого порога.

Да, он остался, он остался с ней.
А кто уйдёт в такой кромешный ливень?
И эта ночь продлилась много дней,
и всё-таки была других счастливей,

тянувшихся без радости, как дым —
всё по земле и всё куда-то за лес...
— Голубоокий, что же мы творим?
Они то целовались, то прощались.

— Ну ладно, — говорил он, — я пошёл,
живи, как знаешь, но потом не сетуй.
Она в ответ: — Любимый, хорошо,
но, самый мудрый, впредь
другой советуи.

Он рассердился, побледнел лицом,
от ярости слепой изнемогая,
швырнул ей обручальное кольцо.
Она в упор глядела, не мигая.

Она глядела: шёл он через двор...
Она глядела — сквозь ночную
стылость —
себе? ему? судьбе ли вперекор? —
пока кольцо впотьмах не закатилось.

Катилось всё под жизненный уклон:
угрюмый дождь в угрюмом водостоке,
на стыках слёз солдатский мой вагон
и сабельное солнце на Востоке.

Замкнулся круг. Сверкнуло колесо —
и затонуло в осени глубокой...
Он вспоминал любви своей лицо,
хотя и не был он голубооким.

* * *

Анатолию Коваленко

Пришёл солдат домой с войны,
а дом в сиянье снов и вишен,
в цветенье пёстрой тишины
стоит, высок и неподвижен —
как смысл и дрёма всех дорог,
себя вернувшая потеря...

Придёшь ли ты сюда без ног,
иль уцелевшими измеришь
понтонь через две страны,
и срам, и гнев бессильной дрожи,
с виной придёшь ли, без вины —
снуют стрижи, стучат желны:
пришёл, пришёл солдат с войны!
День обещает быть хорошим.

Пришёл солдат, пришёл с войны,
грудь в пятаках парадной меди...
Ну что, браток, сбылись нам сны?
Так что же в дом войти мы медлим?

2013

ЕКАТЕРИНЕ ТАРАСОВОЙ С ПОЖЕЛАНИЕМ СВЕТА И РАДОСТИ

То не вечер колобродит
с лунным пёрышком в горсти —
о несбыточной свободе
лебедь белая грустит.

Катерина, Катерина,
лебедь белая грустит.

Зачарованная лебедь,
синь да тёмная вода.
Жёлтый месяц блещет в небе,
плещут звёзды в неводах.
Катерина, Катерина, —
только звёзды в неводах.

Столько звёзд! Но, видно, мало
балалаечка играла.
Время в ситечко текло...
И плясала, и рыдала
да колечки примеряла.
Катерина, Катерина,
ни одно не приросло.

Покатились семь сердечек
по зелёному лужку.
В дальней роще вскрикнул кречет,
всхлипнул филин на суку,
Катерина, Катерина,
даже филин на суку.

Не грусти, моя царевна,
или я сойду с ума,
разревуь на всю деревню —
то-то будет кутерьма.
Катерина, Катерина,
это будет кутерьма!

* * *

Ночная улица морозна и светла,
от фонарей пространные разводы.
И луч звезды, что лазера игла,
вакцину января под кожу вводит.

Иду по городу. Он тоже одинок,
как та звезда в холодном мирозданье,
где нет ни встреч, ни почты, ни тревог
и даже нет надежды на свиданье.

Гори-гори!.. Ты у меня одна.
А что ещё не верящему в Бога
ты можешь дать?.. Пустынно-холодна
в январский снег последняя дорога.
1971

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ РОМАНС ЮРИЮ ДОМБРОВСКОМУ

Предрасветная рань. За оградой
развопилось вовсю воронье.
Что слетаетесь? Кыш! Я не падаль,
хоть порой и похож на неё.

Я ещё дотяну до рассвета,
как-нибудь доживу, дохриплю.
По священному долгу поэта
я обязан прославить зарю.

На заре той весёлой да ранней
так легко, так вольготно дышать,
а ещё в бездорожье бескрайнем
под прогнившим крестом почивать.

Пролетят поезда-вертолёты —
помахал бы им веткой-рукой.
Но ещё не сошлись мои годы
на платёжках за вечный покой.

И ведут меня люди стальные
с красным знаменем в сытости дни...
Где ж вы, кони мои воронье?
Что ж вы, вороны — думы мои?
1967

СОЛНЦЕ ГОНИМЫХ

Distinct, but distant — clear —
but, oh how cold!

Байрон

Гонимых солнце и всегда звезда
неспящим и уснувшим навсегда.

Мучительная радость прежних дней,
чем ярче ты, тем ночь моя темней.

Зачем, зачем в безжизненной ночи
ты, словно слёзы, льёшь свои лучи?

В сиянье слёз печальней нету сна:
светла, но далека, чиста...

But, oh how could —
о, как холодна!

1814, 1981

МЕТАМОРФОЗЫ

Ночь так темна, что в десяти шагах
сплошной стеной загадочная бездна.
Тугие травы тянутся к ногам,
затишье давит тяжестью железной.

Ночь так темна, что хочется кричать,
авось хоть чей-то голос отзовется.
Подмокший ельник цапнет сгоряча —
и сердце кувывается в колодце.

Колючий лес пронзил тебя насквозь,
он дышит мхом, густым настоем хвои,
он фыркает прогалиной, как лось,
и ёжится свернувшимся покоем.

Его хребет окутан млечной мглой,
во лбу — звезда, кровь запеклась
на лапах.

И он ползёт, змеится над землёй,
как будто вверх, а всё равно на запад.

Плывут стволы, плывёт тяжёлый дым,
скрипят верхи и чавкают корни.
И ты плывёшь, и ты ползёшь по ним —
по мордам луж своим же отраженьем.

Глаза залиты едкою росой,
в глазах — туман, а в горле —
листьев шорох.

* * *

А.Б.

Рассвет. Глазастая луна
скользит над сумрачной аллеей.
Опять запойная весна,
бессонница и лёгкость в теле.

Промозглый воздух горячит,
кровь разгоняет в дряблых жилах.
На пустырях кричат грачи
о вечном обновленье мира.

И так легко быть молодым,
так радостно, так незнакомо
обжечься взглядом голубым,
к губам прижаться ледяным
и вдруг понять, что ты любим.

* * *

Нарисованный фонарь
и к нему луна
золотая — даже в хмарь
хорошо видна.

А под ней дугой мосты
и с вождём плакат,
за холмами монастырь
в крепости оград.

Спят в гербе колосья ржи...
Будто домино,
над дорогой этажи
крошечных домов.

Что ещё там в полумгле?
Фары пролетят,
распахнутся по земле
и опять умчат.

Прокричишь: «Эй, подожди!
И меня возьми!»

Глохнут только виражи
где-то там вдали.

Неспокойно и светло —
странность серебра.
Отсыревшею ветлой
тянет со двора.

В сумерках бредёт рассвет.
Ах, какой пассаж!
Ты — художник, ты — поэт,
где же твой пейзаж?

Потускнел, ушёл, как встарь,
в отголоски сна...
Нарисованный фонарь
и к нему луна.

1964

* * *

Вот это ночь! Продрогшая, что пробы
морозу негде ставить, а из сфер,
как из ведра, по крышам и в сугробы
материально хлещет рыжий свет.

Свирепые свирели полнолуныя
свистят метелями над спящею
землёй.

Не то что бы весь мир ополоумел
или приснился сон кому какой.

Но оживают тени неживые,
по мостовым безвременья скользя,
и в подворотнях псы сторожевые
вбирают небо в ноздри и в глаза.

И в очертаниях, очерченных нерезко,
проступят вдруг
окно,
дорожка,
шлак...

Да как припомнится
знакомая окрестность
и женский шаг...

Всего неделю таборной красотой,
сверкая самоцветною росой,
шаманит осень, мечется по склонам.
Взвихрёт ли листьев красный

хоровод —
и ливень с неба, как с ума сведёт,
то вновь ударит в бубен раскалённый,

приветствуя времён иных рассвет.
Червонный золотом прочерчен

первый след,
второй — дымитя нежной бирюзою.
Вчерашний дождь сидит в траве,
как ёж,
исходит паром молодая рожь,
озимнённая викингов зарёю.

Всего неделю... А уже волна
другими откровеньями полна,
и только в сердце вросшие рябины
удерживают якорями крон
и эту заводь, и пустынный склон...
О лодьи Одина!.. — нет! —
призраки чужбины.

ВИНА

И в мёрзлом окопе — о ней.
В бреду, под наркозом — о ней.
Зачем же он снова о ней —
чтоб сердцу стало больней?

Но в том ли её вина,
что ходит с другим она?
Легла меж нами стена,
и эта стена — война.

Эй, друг! Я её вино
тебе под культи швырну.
Как знамя, шумит Восток —
и ты не так одинок.

И в шуме том не слышна
какая-то там вина,
а если кому слышна —
то жизнь, друг, она одна.

У всех и за всех одна,
но в том ли её вина?
Спешит за колонной грач,
а ты, брат, поплачь, поплачь...

1984

Морозное утро румяно, как пряник,
на облачной яблоне белый букет,
и сыплется иней в лучистом тумане
на мой одиноко чернеющий след.

С дороги слетает седая ворона —
напрасно летит и скрывается зря.
Над круглым сугробом
в янтарных хоромах
сквозит молодая лесная заря

далёко-далёко (скрип снега
и кашель),
широко-широко (январская гладь),
и радостно думать, что солнце
мне скажет,
когда ему за реку руку подать.

1968

На русскую славу и пламенный Спас
слепых откровений ударил мой час,
слепых откровений.
Не вороны-вепри за Бугом кричат,
не гибель геройскую ищет солдат,
а ужас прозренья

на тросах лебёдок скрипит и сипит:
ещё одного, блин, прибрали на щит,
ломал — и сломался.

Из шахт пусковых до ледовых высот
за солнцем! По вечному кругу —
вперёд!

А ну, подымайся!

Живым только мёртвые
верность хранят,
и только она, как стрела наугад,
сшивает столетья.

Что в землю ушло, то взойдёт из земли,
о счастье недолгом поют ковыли
и грезят бессмертьем.

Но нет и не будет его никогда,
пожар, недород, то другая беда —
легки на помине.

Но колокол веры — и вечность, как миг...
Лишь русской тревогою держится мир
и в прошлом, и ныне.

* * *

Е.Т.

По-августовски свежий и глубокий
лимонный свет стреноженной луны.
Хребты домов и вербы вдоль дороги
густейшей тенью вкось отражены.

В такую ночь собаку тянет в поле.
в такую ночь предчувствие беды...
Пересчитав штакетники околиц,
луна струит над речкой белый дым.

Стоишь-стоишь и вздрогнешь
ненароком,
когда в саду, скатившись по листьям,
опадьш в корень стукнет
мокрым боком
и заблестит, похожий на кристалл.

Седая груша оперлась о крышу,
хрустят ежи примятою травой.
А на стекле рушник крестами вышит —
рушник звезды холодной, но живой.

Уже роса, а с нею запах мёда
от тёмных слив, от брюквы, от коры,
и светосонь — хорошая погода,
а вот о ведьмах тянет говорить.

ПРОЩАНИЕ С РОСТОВОМ

Прощай, мистическое лето
с польнью и горячим солнцем.
Давай присядем напоследок —
мы расстаёмся.

Мы расстаёмся в далях тающих,
под небом праздничного мая.
Найду ль ещё себе пристанище,
где ждут и даже понимают?

Разлив акаций белоснежных,
летающих вслед вдоль побережья, —
как свет несбывшейся надежды,
как знак разлуки неизбежной.

Прощай, Ростов, — и в добрый путь!
Опустим траурные флаги —
мы всё равно когда-нибудь
широты сдвинем, будто флаги,
когда-нибудь, когда-нибудь!

СТУДЕНЧЕСКОЕ

Ошеломительный роман
с великосветскою зазнойбой.
Не важно, что дыряв карман,
а важно, что любовь до гроба,

что снег февральский свеж и чист,
сданы последние зачёты.
Журфак гудит как футурист,
и сводит с химиками счёты,

ревнуня ветреных подруг,
а у меня — любовь до гроба.
И всё ж, когда на танцах в круг,
поглядываю тоже в оба.

Ещё не ведаю утрат,
свиданий с привкусом разлуки.
Трепещет в небе транспарант:
«Студент — грызи гранит науки!»

Ещё я грежу наяву,
смеюсь на старом фотоснимке.
В безгрешной позе на полу
спит у девчат с луной в обнимку

Фрол Гуськин — местный донжуан
и Коля Кузнецов, быть может...
Общага спит, и сам декан
её покоя не тревожит.

Беспечной юности года,
мечта туманна и прекрасна.
А с неба крупная звезда
светила голубо и ясно.

ШИРОКОЕ НЕБО АННЫ

Колыбельная

Ой, ли гуси прилетали из-за гор,
пухом-перьями усыпали наш двор.

*Ой лю-люшенки-лю-люшенки-люли,
пухом-перьями усыпали наш двор.*

И умчались на закате за леса.
Сон да дрёма, накатитесь на глаза.

*Ой лю-люшенки-лю-люшенки-люли,
Сон да дрёма накатились на глаза,*

на глаза да на унылую капель...
У Анюты золотая колыбель.

*Ой лю-люшенки-лю-люшенки-люли,
У Анюты золотая колыбель.*

Словно лодочка на цёпочках висит,
чистым месяцем при матушке горит.

*Ой лю-люшенки-лю-люшенки-люли,
чистым месяцем при матушке горит.*

Широкое небо Анны

Светлый месяц струится
на выцветшие поляны.
В воздухе снег искрится —
широкое небо Анны.
Спят в небылице жар-птица,
избушка на курьих ножках.
Анне одной не спится,
с кровати глядит в окошко.
А там золотой кораблик
и у штурвала матросик,
пытливую душу Анны
в безвестную даль уносит —
уносит...

Величальная

Девонька
синеглазая,
дивись, золотая!
В честь тебя, моя ласковая,
на солнце сверкая,
сосульки звенят, что бубенчики, —
переливаются.
В снежном саду карусельщики
перекликаются:
— Как там? Пришла Анюта?
— Скоро придёт, скоро!
Видишь, какое утро
катит в салазках с горок,
видишь, небо какое —
широкое,
голубое...

В сад выбегает Анята,
и так на свету легко ей!

* * *

Тяжёлая,
набухшая луна.

Над майской полночью знобящий
запах цвета.

И яблони стоят в воде букетом,

и спит разлив у самого окна
в голубоватой рыжей полутьме...

Столбы огней,
вселенское затишье.

И только капли, чиркая о крыши,
считают жизнь...

Я тоже,

но

в уме.